

В уютном отдельном кабинете чайного дома, прямо у распахнутого окна, сидели двое. Едва завидев Хан Сиэня, Третий принц Цзи Ло с ходу принялся сетовать — шутливо, но с долей искренней досады:

— Братец Хань, погляжу я на тебя — и зависть берет. В столице ты, верно, и спал сладко, и ел сытно. Округлился малость, да и лицо порозовело. А вот нас с наследником уездного князя Юна ты, признаться, подставил знатно.

Хан Сиэнь лишь скользнул по собеседнику ленивым, ироничным взглядом и едва заметно усмехнулся.

— О чем это вы, Ваше Высочество? — протянул он не торопясь. — Никак не возьму в толк.

— Да брось ты это свое «Ваше Высочество» да «скромный слуга», — отмахнулся Цзи Ло, качнув головой. — Сам ведь знаешь, каково мое положение при дворе. Мы с тобой, считай, в одной лодке сквозь бурю прошли, так к чему теперь эти пустые церемонии?

Хан Сиэнь промолчал. Сохраняя невозмутимость, он неспешно долил себе чаю и сделал крошечный глоток. Юноша предпочитал именно первую заварку — ее терпкая, глубокая горечь всегда казалась ему лучшим воплощением самой человеческой жизни.

Когда Цзи Ло и Цзи Юэ наконец вернулись в столицу, трехмесячный домашний арест Хан Сиэня уже подошел к концу. Впрочем, наследник и не думал являться миру, предпочитая вести уединенную, тихую жизнь в стенах герцогского поместья. С другой стороны, то, что Третий принц так долго задержался на юге, лишь подтверждало: разгребать скопившиеся в Цзяннани авгиевы конюшни было делом невероятно тяжелым. И то, что им с Цзи Юэ удалось довести все до ума, заслуживало искреннего уважения.

Едва ступив на столичную землю, они тут же предстали перед Императором с подробнейшим докладом. Пробоин в речных дамбах оказался великое множество, но, по счастью, главные шлюзы выдержали натиск стихии. Пользуясь тем, что сезон затяжных дождей еще не наступил, уездные власти под бдительным надзором принца, наследника уездного князя Юна и главнокомандующего Лянцзяна спешно укрепили берега. Работа кипела без продыху.

К тому же неоценимую помощь оказали лекарь Чжоу и присланные с ним столичные целители. Простые люди могли не доверять чиновникам, но к лекарям, что врачевали их безвозмездно, они тянулись всем сердцем. Хоть дело шло со скрипом и порой вспыхивали мелкие распри, до открытого бунта так и не дошло.

Выслушав их, Император остался доволен. Донесения полностью совпали с тайными докладами лекаря Чжоу. Но когда дело дошло до наград, весы монаршей милости явно склонились в сторону Цзи Юэ. Хотя львиная доля трудов легла на плечи Третьего принца,

именно наследнику уездного князя Юна достались редчайшие сокровища и дары, тогда как Цзи Ло пожаловали в основном золото да серебро.

От такой неприкрытой несправедливости Цзи Юэ чувствовал себя крайне неловко. Рядом с кузеном он то и дело ерзал, словно на иголках. За долгие месяцы невзгод они сблизились, вместе месили грязь на строящихся плотинах, делили хлеб и кров. Их отношения давно переросли в настоящую, крепкую дружбу, и теперь молодой человек всерьез опасался, что предвзятость государя вставит между ними клин.

Сам же Цзи Ло давно научился относиться к подобному равнодушно. Холодность отца не была для него секретом. Император не просто не любил его — он, казалось, при каждом удобном случае пытался вычеркнуть само его существование из памяти. Если в будущем Цзи Ло сумеет силой пробить себе дорогу к трону, отец мешать не станет. Но если он оступится и окажется растоптан соперниками — государь и пальцем не пошевелит, разве что сохранит ему жизнь.

Будь на месте нынешнего Цзи Ло тот прежний, из его прошлой жизни, он бы исходил горькими слезами от такой несправедливости. Но теперь принцу было решительно все равно.

Поэтому, когда они покидали дворец и Цзи Юэ бросил на него виноватый, растерянный взгляд, Цзи Ло лишь тепло и открыто улыбнулся другу. Этот жест мгновенно снял напряжение.

На следующий же день после возвращения Цзи Ло решил повидаться с Хан Сиэнем. Действовал он без церемоний: не стал официально запрашивать визит в Поместье герцога Хань, а просто отправил толкового слугу с запиской, приглашая юношу в чайный дом.

Подобное пренебрежение правилами приличия со стороны принца в очередной раз до глубины души возмутило старую госпожу Хань и прочую родню, однако высказать свое недовольство они не смели. Впрочем, у них и без того хватало забот.

За те месяцы, что Хан Сиэнь провел взаперти, наконец решилась участь третьей ветви семейства. Стараниями герцога Хань и его связей саму усадьбу и пятого принца Цзи Хуая гроза обошла стороной, но виновника, Хан Пина, за казнокрадство приговорили к ссылке в далекий и суровый Ганьнань. Ему милостиво позволили взять с собой семью.

От этой вести госпожа Вэнь едва не лишилась чувств. Ганьнань славился буйным нравом местных жителей, удушливыми ядовитыми туманами и бесконечной чередой болот. Там даже крепкие мужчины угасали за пару лет, что уж говорить о хрупкой женщине? Однако перечить старой госпоже Хань, которая требовала, чтобы сноха ела дорожную пыль и ухаживала за ее несчастным сыном, госпожа Вэнь не смела. Ей оставалось лишь плакаться собственным детям. Хан Юэцин и седьмая барышня Хан Цинюань пребывали в полной растерянности, не зная, к кому бежать за помощью, и целыми днями проливали слезы, отчего оба заметно осунулись.

В конце концов сам Хан Пин, пав на колени перед матерью, умолил ее оставить госпожу Вэнь в столице. Обливаясь горькими слезами, он сокрушался, что по глупости своей попался на удочку коварной Юньнянь, и сокрушенно признавал: раз уж он теперь ссыльный преступник,

будущее его детей и так омрачено. Если еще и мать лишится возможности устраивать их судьбы в столице, им окончательно несдобровать.

Старая госпожа вняла его доводам и со слезами на глазах проводила сына в последний путь. Но всю свою глухую злобу она перенесла на невестку, искренне считая, что та просто вцепилась в столичную роскошь и пожалела сил ради мужа. С тех пор жизнь госпожи Вэнь превратилась в настоящий ад: свекровь при малейшей возможности изводила ее придирками и изоощренно мучила по пустякам. Женщине оставалось лишь молча сносить издевательства и молить небо о чуде. Хотя все понимали: пока жив нынешний Император, Хан Пину вовек не выбраться из глухого ганьнаньского угла.

Цзи Ло, разумеется, знал обо всех этих дрязгах. С герцогским домом у него и раньше не было тесных связей, а теперь и вовсе не имелось причин заискивать перед ними. Единственным исключением оставался Хан Сиэнь. Глаза и уши принца в столице беспрестанно докладывали ему обо всех переменах, но Цзи Ло почему-то хотелось услышать обо всем лично от кузена.

Вглядываясь в лицо Хан Сиэня, принц наконец убедился, что тот действительно ни в чем не нуждается, и окончательно успокоился. Все, кто ездил на юг, получили свое: Гао Фэн дослужился до звания заместителя командующего императорской гвардией, они с Цзи Юэ удостоились щедрых наград. Даже гээр Янь Си, который после стычки с Чжоу Маанем готов был погибнуть вместе с жителями деревни Фулу, получил высочайшую похвалу и разрешение сдавать государственные экзамены (хоть и ответил вежливым отказом). И только Хан Сиэнь, истинный спаситель Цзяннаня, не получил ровным счетом ничего, кроме трех месяцев заточения.

Будь на его месте кто-то другой, обида давно выжгла бы ему душу. Но Сиэнь казался безмятежным. Более того, за время затворничества он заметно похорошел. Его лицо округлилось, болезненная желтизна и изможденность уступили место мягкому здоровому румянцу, а черты лица обрели благородную четкость. Теперь при взгляде на него люди видели разве что хрупкого, изящного юношу со слабым здоровьем, но никак не жуткого призрака с ввалившимися глазами.

Однако это преображение не принесло Цзи Ло чистой радости. Находясь на юге, он расспрашивал лекаря Чжоу о состоянии кузена. Старик не стал лукавить: долгие годы отравления ядами разрушили саму основу жизненных сил Хан Сиэня. Теперь его можно было лишь поддерживать бережным уходом, но сколько ему отпущено — ведал один лишь Небесный Владыка.

Цзи Ло было искренне жаль этого незаурядного юношу. Собственно, это и привело его на встречу. Среди императорских даров было немало редких снадобий, а у Цзи Юэ обнаружился бесценный кусок тысячелетнего горца многоцветкового размером с большой палец. Достать такую редкость было почти невозможно, но Цзи Ло выменял корень у друга, чтобы преподнести Хан Сиэню.

Сиэнь прекрасно понимал цену собственному телу и не питал иллюзий насчет чудодейственных свойств горца, однако подарок принял без лишних слов. Он знал: откажись

он — и упрямый принц начнет искать новые редкие лекарства, а лишние хлопоты Сиэню были ни к чему.

Сделав то, ради чего пришел, принц замолчал, и за столом воцарилась уютная тишина. В этот момент с улицы донесся стук копыт. Всадник, проезжавший мимо окон чайного дома, случайно задел прохожего и обернулся, чтобы что-то сказать человеку на мостовой.

Взгляд Хан Сиэня замер. В его глазах вспыхнул живой, хищный интерес. Он медленно опустил пиалу на стол.

Легкий стук фарфора вывел Цзи Ло из задумчивости. Проследив за направлением взгляда кузена, принц посмотрел в окно и мгновенно заledenел. Всадника внизу он узнал бы, даже если бы того сожгли дотла и развеяли по ветру. Это был Бай Энь — человек, который в прошлой жизни лишил его всего и оборвал его земной путь.

Хан Сиэнь, словно не заметив бури, бушевавшей в душе собеседника, подпер подбородок ладонью и задумчиво протянул:

— Знаешь, я давно присматриваюсь к этому Бай Эню. Его сводный брат, инструктор Бай Шу, да и отец, великий генерал Бай Вэньхань, совсем другие лица имеют. Этот же... на них ни капельки не похож. Лицо у него до странности знакомое, но никак не могу припомнить, кого же он мне напоминает.

Цзи Ло невольно всмотрелся в черты Бай Эня. Тот действительно казался смутно знакомым, но в прошлой жизни принц никогда не задумывался об их сходстве — тот всегда стоял в тени отца и брата.

Пока Цзи Ло размышлял, всадник внизу выпрямился в седле. Осанка его была безупречной, исполненной врожденного величия.

В памяти Третьего принца мгновенно вспыхнули слова, сказанные Хан Сиэнем при первой встрече с Бай Энем:

«Его манерам и благородству позавидуют даже венценосные особы в императорском дворце».

Вглядевшись в профиль мужчины на коне, Цзи Ло резко, со скрежетом отодвинул стул и поднялся. В груди у него застыл холодный ком.

Он наконец понял, чьи черты унаследовал этот бастард.

Бай Энь в профиль был точной, пугающей копией самого Императора.

Резкое движение принца заставило Хан Сиэня удивленно приподнять бровь.

— Что с тобой? — негромко спросил он, слегка нахмурившись.

Цзи Ло медленно опустился обратно на стул. Он схватил пиалу, сделал глубокий глоток остывшего чая, силясь унять бешеный стук сердца и взять себя в руки. Когда он снова посмотрел на кузена, его взгляд был чист и глубок, но за этой безмятежностью скрывалась бездна. Качнув головой, принц тихо произнес:

— Ничего. Просто вспомнил, что в поместье меня ждут неотложные дела.

— Раз так, не смею задерживать, — легко отозвался Сиэнь. — В другой раз свидимся.

Цзи Ло кивнул. Он порывался предостеречь кузена от излишнего интереса к персоне Бай Эня, но, заметив абсолютное равнодушие на лице юноши, осекся. Излишние предостережения могли лишь разжечь чужое любопытство. Помедлив мгновение, принц поднялся и спешно покинул чайную комнату.

Оставшись в одиночестве, Хан Сиэнь без спешки допил остывший чай. Лишь когда чайник опустел, он поднялся и ленивой походкой направился обратно к герцогскому поместью. Дорогой он размышлял: если Цзи Ло ухватится за эту ниточку и раскопает тайну происхождения Бай Эня, как именно обитатели императорского дворца попытаются замять назревающий скандал?

Ань Цао бесшумно следовал за своим господином на шаг позади. Глядя на то тоскливо-предвкушающее, пугающее веселье, что застыло на лице Хан Сиэня, слуга невольно поежился. В такие минуты его хозяин казался ему истинным демоном, сошедшим со страниц древних легенд.

<http://bllate.org/book/20088/2002029>